

The background of the entire cover is a painting. In the foreground, on the left, is a close-up, slightly blurred portrait of a man with dark hair and a serious expression, wearing a dark jacket. The background of the painting shows a sun-dappled path in a park, lined with tall trees. Two small figures of people are walking in the distance on the path. The overall color palette is dominated by greens and yellows from the foliage, with the man's face in more neutral tones.

**ДЕЛО
НЕ ЗАКРЫТО**

**ГЕННАДИЙ
СМОЛИН**

**КАК ОТРАВИЛИ
БУЛГАКОВА**

ЯД ДЛЯ ГЕНИЯ

Дело не закрыто

Геннадий Смолин

**Как отравили
Булгакова. Яд для гения**

«Алисторус»

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Смолин Г. А.

Как отравили Булгакова. Яд для гения / Г. А. Смолин —
«Алисторус», — (Дело не закрыто)

ISBN 978-5-906861-10-8

Скруплезное, насыщенное неведомыми прежде фактами и сенсациями расследование загадочных обстоятельств жизни и преждевременной гибели Булгакова, проведенное Геннадием Смолиным, заставляет пересмотреть официальную версию его смерти. Предписанное Михаилу Афанасьевичу лечение не только не помогло, но и убило трагический финал его жизни. Это не было врачебной ошибкой: «коллективный Сальери» уничтожал писателя последовательно и по-иезуитски изощренно... Парадоксальным образом судьба Булгакова перекликается с историей смерти другого гения — Моцарта. Сальери европейские ученые в итоге оправдали и вышли на след подлинных отравителей. Сотрудничество с европейскими коллегами позволило автору книги заполучить локон, сбритый с головы гения в день его смерти, и передать его для нейтронно-активационного анализа в московский атомный научный центр. Наступило время обнародовать результаты проделанной работы...

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906861-10-8

© Смолин Г. А.
© Алисторус

Содержание

Книга первая	6
Вместо пролога	6
Увертюра	8
Часть первая	10
Аберрация	10
Становление	22
De mortuis nil nisi vere![5]	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Геннадий Смолин
Как отравили Булгакова. Яд для гения

© Смолин Г.А., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Книга первая

Как отравили Булгакова

Вместо пролога

Тайные обстоятельства смерти великого писателя и драматурга Михаила Афанасьевича Булгакова и сегодня, по прошествии семидесяти пяти лет, побуждают исследователей возвращаться к документам, фактам и преданиям тех стародавних лет в надежде, хотя и призрачной, докопаться до истины. Тем более что жизнь и смерть великого писателя перекликалась с судьбой другого русского гения – командора Ордена Тамплиеров А.С. Пушкина.

Автором собран и обработан ценнейший, в том числе и архивный материал, заново открывший и существенно скорректировавший важные вехи трагической биографии Булгакова. Тут и тайные протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), и секретная переписка его членов, отрывки из конфискованного дневника Булгакова и донесения о нем агентов ОГПУ, письма Булгакова, Фадеева. Представляет интерес новое прочтение великого романа «Мастер и Маргарита». Уникальна впервые поднятая (в связи с именем Булгакова) тема Ордена Тамплиеров в России, без которой невозможно понять и принять фантастическую фигуру Булгакова и его закатного романа «Мастер и Маргарита».

В книге представлены приложения с архивными документами – автобиографическими рассказами современников, мемуарами, дневниками, письмами, доносами, докладными записками агентов ОГПУ-НКВД, и другие неизвестные прежде эксклюзивные материалы, позволяющие нам по-новому взглянуть на жизнь и творчество Михаила Афанасьевича Булгакова.

Некоторые скептики уже выражали свои сомнения относительно правдоподобности выбранного преступником или преступной группой способа убийства М. А. Булгакова – поджаривать его на медленном огне в течение полугода. Академик РАЕН РФ А. М. Портнов так прокомментировал действия авторов и исполнителей убийственного арсенала «средневековой аптеки»: «Зачем преступнику или преступникам было рисковать, оттягивая развязку? Надо было заставить добропорядочных граждан поверить в естественную смерть, хотя бы от «наследственной» семейной болезни Булгакова-отца, который скончался от гипертонического нефросклероза в 49 лет. Вот откуда проистекали все выгоды постепенного отравления организма специальными препаратами, включая и то, что частые недомогания Булгакова должны были бы сводить к «нулю» его бешеную работоспособность».

Чего в действительности опасались те, кто устранил Булгакова? Одно из своих последних произведений, пьесу «Батум», писатель посвятил Сталину и показал его романтическим героем. Почему это произведение никогда не было опубликовано и встретило такое сопротивление, в том числе со стороны Сталина? Если бы Булгаков написал то, что нужно Сталину, это было бы издано и поставлено, и он бы был осыпан почестями. Смысл этой пьесы и отторжение ее Сталиным в том, что Булгаков понял Сталина. А Сталину это не понравилось. Он хотел, чтобы о нем сказали иначе. Булгаков показал, что страной и властью овладел человек с фантастически сильным, железным характером. Он свысока смотрит на людей, считая их слабее себя. И эту колоссальную деспотичность показывает Булгаков в молодом Сталине. И сразу становится понятным характер этого человека. А как только понимаешь характер – тут же выстраивается вся его судьба.

Но Булгаков перестал бы быть Булгаковым, утратил бы свою независимость и право закончить «Мастера и Маргариту». Для мастера не имело никакого значения, понравилось бы это произведение вождю или нет. Дело в другом. Создав «Мастера и Маргариту», Булгаков

ясно дал властям предержащим понять, что «перестраиваться», скажем, как Алексей Николаевич Толстой, который тонко чувствовал конъюнктуру момента, или же, как Илья Эренбург, он не собирается.

Агентура ОГПУ работала тогда мобильно, масштабно и на высоком уровне.

Тот же «коллективный Сальери», видимо, очень рано был информирован о каждом произведении Мастера в общем и о романе «Мастер и Маргарита» в частности. Булгаков однозначно встал у них на пути.

Итак, «коллективный Сальери» жил-был и здравствовал в СССР. Нашлось достаточное число высокопоставленных лиц, разглядевших в «Мастере и Маргарите» контрреволюционное, безусловно опасное выступление. Если уж мнение друзей создавало у них впечатление чего-то истинно неповторимого и единственного в своем роде (а Булгаков был убежден в этом), то можно себе представить мнение иерархов Кремля и мощного аппарата дозора (ОГПУ-НКВД).

Для очень верующего в коммунистические догмы, очень патриотичного, но в творческом плане чудовищно эгоцентричного «коллективного Сальери» в созидательной работе над «Мастером и Маргаритой» возрождался тот противник, имя которого прежде едва ли было достойно серьезного упоминания в «его» окружении. Булгаков однозначно встал у «него» на пути! Такое видение ситуации могло объединить «коллективного Сальери» и большинство кремлевского руководства. Они испугались, что выход на арену такого единственного в своем роде великого писателя и драматурга, как Булгаков, отодвинет их в тень, и поэтому всячески препятствовали его продвижению.

Эта борьба разворачивалась на конкретном политическом фоне, который не могли не учитывать ни «коллективный Сальери», ни идеологическая инквизиция высших иерархов партии.

Борьба за власть на всех фронтах в то время была на повестке дня. И в связи с этим нельзя не обратить внимание на то, что руководители ОГПУ, напрямую занимаясь такими эзотерическими организациями, как тамплиеры и антропософы в кругах творческой интеллигенции, были одними из первых, кто, преследуя широким фронтом инакомыслие, увидели в «Мастере и Маргарите» не только острую сатиру на существующий режим, но и прославление Ордена тамплиеров и масонства.

Увертюра

Adagio maestro¹

...Ein Teil von jener Kraft

Die stets das Böse will und stets das

Gutes schafft...

– ...Так кто ж ты, наконец?

– Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо...

И.-В. Гете, «Фауст»

Заранее предупреждаю, что изложенное ниже находится за гранью человеческого понимания. И вот перед вами, искушенный читатель, невыдуманная история жизни и смерти великого русского писателя Михаила Афанасьевича Булгакова. Многочисленные документы и рукописи оказались в моих руках не случайно – теперь я прекрасно понимаю это! – достались в качестве презента, если, конечно, это можно назвать презентом. Передано мне все это богатство от Эдуарда Александровича Хлысталова, экс-полковника МВД, следователя с легендарной Петровки, 38. Он оказался человеком, чья отвага и решительность потрясли меня. Помочь ему я не смог, смог лишь полюбить как человека и профессионала. Как духовного отца, как личность, не способную поступиться своими принципами. Но по порядку....

Приступая к чтению рукописи, я слыхом не слыхивал о городе Ершалаиме, прокураторе Понтии Пилате, Киафе, Иешуа Га-Ноцри, Воланде, о рыцарях Ордена Тамплиеров, масонах и иллюминатах². А если что-то и знал о тайных обществах, об эзотерических обрядах посвящения профанов в более высокие градусы масонских табелей, то, разумеется, нечто поверхностно-расхожее, второстепенное.

Нынче я осведомлен обо всем этом гораздо больше, или даже, скажем так, чересчур хорошо. И как я понял, тех, кто осмеливался жить собственной правдой. Слишком уж часто смерть подстерегала подобных смельчаков. Но стоит ли жить иначе – как простейшие микроорганизмы, как растения?

За почти что столетнюю историю, которую поведали мне пожелтевшие странички этих документов, писем или манускриптов, они были опалены огнем души множества людей. Огненный смерч вовлек этих смельчаков в бешеный вихрь, которому не было сил противиться.

По наитию я зримо чувствовал: пришел мой черед. Я последний из той когорты людей, кого бушующее пламя подхватило и закружило в неудержимом сатанинском танце, чтобы затем увлечь в бездну.

Вывод напрашивался сам собой. Я обязан предать гласности то небольшое, что мы знаем или нам кажется, что знаем о Булгакове. Ради чего? Ответ прост. Я надеюсь, что сумею – пусть даже на мгновение – прервать безумную пляску огненного смерча, затеянную Воландом и его свитой, и тем самым лишить его миссию злой колдовской силы, чтобы испепеляющий огонь не успел поглотить и меня тоже. Задача не из легких, если учесть, что у тебя на глазах колдовские силы Ангелов тьмы обольщают агнцев божьих и дразнят смерть, кружа ее в мучительном сладостном ритме своего сатанинского обольщения.

Преуспею ли я в своих расчетах, не знаю.

Есть одна вещь, которую я хотел бы прояснить, прежде чем вы перевернете страницу: я вовсе не рвался пуститься в пляс и не по своей воле оказался причастным к этой истории.

¹ Медленно и величаво.

² Иллюминаты – члены тайных религиозно-политических обществ в Баварии во второй половине XVIII века.

Например, как моя недавняя знакомая Ира, подруга Любви Булгаковой-Белозерской, второй жены Михаила Булгакова.

Помнится, Ирина как-то спросила меня:

– Вы знаете Булгакова?

Тогда я не понял вопроса, который не был однозначен, как показалось бы вначале. Только теперь мне приоткрылся тайный смысл фразы, и, возможно, я буду тем избранником судьбы, которому суждено понять тайный смысл предметов и людей, окружавших Булгакова, и узнать мастера лучше, чем кому бы то ни было.

Или же другой персонаж этой булгаковской истории – переводчик русской советской литературы на французский язык и масон, награжденный орденом Почетного легиона Гаральд Люстерник. Наконец, наш современник, профессор, доктор медицинских наук Леонид Иванович Дворецкий, исследовавший медицинскую карту именитого пациента Булгакова в те роковые шесть месяцев его болезни, сведшие писателя в могилу. И, конечно же, всех тех – причастных и не причастных к судьбе писателя, кого заманила в свои колдовские чертоги великая проза и драматургия Михаила Афанасьевича. Резюмируя сказанное выше, можно смело утверждать то, что во всем виноват Булгаков и та дивная музыка текстов его литературных шедевров.

Часть первая

*А век тот был, когда венецианский яд
Незримый, как чума, прокрадывался всюду:
В письмо, в причастие, ко братине и к блюду...*
Аполлон Майков, поэт

Аберрация

Есть два мира, тот, иной, и наш... В принципе, это одно и то же. Царство богов есть забытое нами измерение мира, в котором мы существуем.
Джозеф Кемпбелл, «Герой с тысячью лиц»

Меня пригласили в писательский городок Переделкино. За мной заехали ровно в полдень на черном «Мерседесе». До полудня я успел поспать три часа, затем кое-куда позвонить и отменить две деловые встречи, назначенные на следующую неделю, уложить в сумку бритвенный прибор и нижнее белье, а главное – собрать, склеить развалившееся по частям мое нутро, употребив на то всю свою изобретательность. Пришлось пустить в ход всяческие приспособления и ухищрения – от булавок до жвачки и цементирующей душу смеси коньяка с кофе. В результате появилась надежда, что теперь-то я хоть внешне похож на человека. Подготовившись таким образом, я поставил сумку у порога и, едва раздался звонок, открыл дверь и шагнул навстречу Владу Орлову – помощнику одного состоятельного человека, занимавшего видное место в масонской иерархии и пригласившего меня к себе в переделкинскую резиденцию. Имя его мне ничего не говорило: Гаральд Яковлевич Люстерник³, уже много позже я многое узнал о его контактах, связях с Булгаковым. Причем речь шла о взаимодействии Люстерника с Мастером не только в области литературы, но и причастности последнего к Ордену Тамплиеров.

Я захлопнул за собой дверь и зашагал с моим напарником вниз по лестнице, стараясь дознаться до неминуемого вопроса: для чего меня пригласили на аудиенцию, что стоит за таинственным randevu?

Но мне так и не удалось узнать цели визита. За все время пути по, казалось бы, нескончаемому центру Москвы – самому беспокойному, но импозантному на свете району, с неизменными рекламными обувных магазинов и аптек по всей трассе, где один квартал не походил на другой, – Влад лишь полюбопытствовал, что я, кажется, немного не в духе, и поинтересовался, хорошо ли я спал этой ночью. Я отмалчивался.

Влад Орлов без умолку говорил об архитектуре, вспоминая «дачу Сталина» и похожие на нее «дачи Берии» и других кремлевских руководителей того времени.

Из обрывков беседы я понял одно: моею персоной, кажется, заинтересовались всерьез, и ставки (другой стороной) сделаны немалые. Поездка, которой я ожидал и боялся, похоже, оборачивалась удачей и обещала принести мне неожиданные перспективы в моем проекте «Булгаков». Временами я испытывал искреннюю благодарность по отношению к Владу.

³ Гаральд Яковлевич Люстерник – переводчик русской и советской литературы на французский язык, участник Французского сопротивления (1939–1945 гг.); награжден орденом Почетного легиона; проживал в Берлине, Париже, Лозанне, в конце 30-х годов XX века неоднократно бывал в Москве и Париже; с 1946 года, получив советское подданство, переехал в Москву (имел тесные контакты с анархистами (с самим А. А. Карелиным), тамплиерами и антропософами).

Своей легкой беседой он избавлял меня от раздумий над природой и симптомами моей проклятой болезни, а также от мыслей о манускрипте, что лежал на дне запертого ящика моего письменного стола.

Через полтора часа мы свернули с трассы на узкую, поросшую травой дорогу, что вела к каменному забору, опоясывающего роскошный сосновый бор, в котором светлели крыши писательских особняков и подсобных строений. Мы подъехали к воротам и выстроенному в довоенном стиле дому, стены которого уже давно тосковали по малярной кисти.

Мы увидели вальяжного, импозантного мужчину с ярко-голубыми глазами, тонкой, как пергамент, кожей лица и небольшим ртом. Тот появился на крыльце как будто призрак, прежде чем мы успели нажать кнопку звонка или постучать в металлическую калитку... Он был в сопровождении огромного курихаара. Его свирепости мог бы позавидовать разве что ротвейлер.

Это был хозяин особняка Гаральд Люстерник. Он бросил собаке:

– Пирей, свои! – и курихаар дружелюбно обнюхал нас с Владом и доверительно махнул обрубком хвоста.

На крыльцо вышел еще один мужчина. Он был высок – ростом под два метра, седовлас и с обаятельной улыбкой на лице. Это был Георгий Волков, охотник, журналист и великолепный собеседник. Среди своих его звали Джордж.

Влад представил меня, мы троекратно обнялись, поцеловались.

Гаральд Люстерник спросил меня, не желаю ли я выпить с дороги кофе или чашку чая. И все это – на одном дыхании. К тому моменту, когда он сделал следующий вдох, мы уже оказались на втором этаже, и Гаральд Люстерник показал нам с Владом наши комнаты. Комнаты были не смежными, но располагались рядом. Мне досталась большая, с занавесками из вошеного ситца и паркетным дощатым полом. Под огромным окном громоздилась нелепая складная лестница. Гаральд Люстерник перехватил мой недоуменный взгляд и пояснил, что лестница находится здесь на случай пожара.

Гаральд Люстерник оставил нас одних – распаковывать вещи. Я прилег на кровать. Влад принялся журить меня за то, что я завалился на постель прямо в обуви.

Я ощутил свое бессилие, снова очутившись между тем и этим светом. Этот синдром стал преследовать меня с тех пор, как Эдуард Хлысталов всучил мне сверток с двумя бандеролями. Я страстно желал поведать людям – и в первую очередь Владу Орлову – жуткую историю, которая со мной приключилась. Но четко осознавал: скажи я об этом хоть слово – и можно прощаться с жизнью.

– С тобой что-то случилось, Рудольф? – не отставал от меня Орлов.

– Ровным счетом ничего.

– Рудольф, у тебя неприятности?

– Никаких, – отрезал я.

– Рудольф! – В голосе Влада зазвучало отчаяние. – Послушай, если ты нуждаешься в помощи, доверься мне. Что-то произошло с тобой? Тебе пришлось драться?

Я почувствовал тяжесть в затылке и заявил:

– Влад, я не намерен далее обсуждать эту тему.

– Ты не намерен обсуждать!.. Боже, Рудольф! – воскликнул Влад. – Ты никогда ничего не намерен обсуждать. У тебя вечно какие-то тайны, до которых ты никого не допускаешь!

– Я совершенно не хочу с тобой ссориться, выяснять отношения. По крайней мере, сейчас... Но что мы скажем Люстернику и Джорджу?

– Говори, что хочешь, Влад. Мне плевать, – проворчал я.

Я закрыл глаза и глубоко вдохнул в себя воздух. В сознании промелькнул образ: черные птицы, пожирающие падаль на площади возле входа на Ваганьковском кладбище. Я услышал голос Эдуарда Хлысталова, увидел его пронзительные глаза: «Вы должны это взять...»

Мы сели ужинать в небольшой комнате, окна которой выходили в сад. Я быстро сообразил, что в доме Люстерника эта комната никак не могла служить столовой. Но это было идеальное место для теплой беседы, для душевного общения близких людей. Мы, все четверо, стали проникаться друг к другу все большей симпатией.

К семге было подано роскошное красное французское бордо. Я благосклонно отнесся к этому смелому сочетанию, найдя его весьма изысканным, и, поднимая тост за хозяина, отметил его тонкий вкус. Глаза Влада заблестели. Беседа заметно оживилась. Мы коснулись тех тем, которые обычно обсуждают во время застолья современные культурные люди. Впрочем, круг их интересов, как правило, сформирован кино и театральными новостями Москвы.

Примерно в тот момент, когда мы приготовились отведать фруктового ассорти (а мне, жаждущему, представился шанс дорваться до бутылки бордо), все полетело к черту.

Закат окрашивал сад в золотисто-розовые тона. Джордж рассказывал очередную историю на тему охоты на вальдишнепов, а Гаральд одергивал его, напоминая, что эту историю уже слышал дважды. Орлов до того разошелся, что позволил себе чашку крепкого кофе. Мое же московское компанейство постепенно начало улетучиваться. У меня вдруг возникло чувство несвободы, даже одежда стала казаться тесной и неудобной. Захотелось немного размяться.

Я нашел возможность выйти из-за стола, не обижая хозяев. Выразив свое восхищение домом и садом, заявил, что отсюда открывается бесподобный вид и я хотел бы им полюбоваться, и, осторожно ступая (что должно было, по моему разумению, свидетельствовать о моей благовоспитанности и весьма умеренном количестве потребляемого алкоголя), приблизился к окну.

И тут увидел его. Того самого типа в черном, что стоял за мной в очереди в аэропорту Шереметьево. Или его двойника...

Я держал его в поле зрения несколько секунд. За это время он пересек проселок и приблизился к каменной ограде. Совсем недавно мы там гуляли с Владом... Станный субъект был одет в длинное, плохо пригнанное по фигуре черное пальто, совсем не подходящее для такой теплой погоды. От неестественной легкости его движений меня передернуло. Он поднялся по ступенькам вверх ограды и, прежде чем исчезнуть в лесу, обернулся, пристально посмотрел мне в глаза и улыбнулся. Правда, это была не улыбка, а гримаса.

И раздался звук – как будто удар гонга. Ярость и страх, эти вечные антиподы, словно борцы, услышавшие сигнал, из противоположных углов устремились к центру ринга, а этот ринг был у меня в голове. Они сцепились, готовые разорвать друг друга в клочья. Мой мозг пылал. Но при этой схватке как бы присутствовал и посторонний наблюдатель. Он-то и уловил, сильно тому удивившись, в маленькой гостиной переделкинского особняка запах джунглей полуострова Юкатан в Мексике, где мне приходилось бывать десять лет назад. Мой внутренний голос отметил: да, приятель, ты снова оказался втянут в ужасную игру. Втянут незаметно, против собственной воли.

Нечто подобное со мной уже было, когда высокопоставленные ублюдки делали из меня убийцу. Ловко это у них получалось: зашвырнут тебя в водоворот – и выбирайся, как хочешь. А чтобы выбраться, нужно пролить чью-то кровь, а им на это наплевать. Это твои проблемы. Хочешь выкарабкаться из этой каши – выбирайся, но самостоятельно. Потом, правда, в твоём сознании будут прокручиваться одни и те же картины: убийство, разрушение, еще раз убийство. И так до тех пор, пока будешь вышагивать по этой земле. Впрочем, не обязательно идти. Можешь просто стоять, будто статуя, непредсказуемая для окружающих, как мина с часовым механизмом. Допустим, в каком-нибудь особняке в стиле ампира, когда смеркается, а у тебя за спиной кто-то разливает по чашкам кофе...

– Не пойти ли нам в зал? – раздался высокий мужской голос.

Фраза Гаральда, казалось, прозвучала откуда-то издалека. Вот он, еще не сожженный мост, по которому можно вернуться. Мои глаза остекленели, в них застыло недоумение. Я отступил от окна, повернулся. Стол находился на прежнем месте и был покрыт все той же льняной скатертью. Я увидел салфетки, скрученные конусом, ломти французского батона и бокалы, наполовину наполненные вином. Мелькнула мысль: ничего прекраснее не может быть на свете... Я попытался изобразить улыбку и приблизился к столу, чтобы коснуться скатерти, ощутить под пальцами ее крахмальную упругость и убедиться, что пятнышко от пролитого вина по-прежнему алеет на белоснежной ткани. Это крошечное пятнышко олицетворяло для меня несовершенство, которое-то и делает жизнь возможной.

Джордж истолковал этот мой жест как просьбу наполнить бокал до краев и взялся за бутылку. Пальцы плохо слушались его (стараясь поддержать компанию, он выпил больше, чем следовало), но с задачей он все же справился. Глядя на этого импозантного гиганта, гостеприимного и простодушного, я растрогался до слез. Вытирая глаза, я врал, что, мол, так всегда случается, когда я попадаю на природу: чистый воздух вызывает-де у меня аллергию. В комнату вошел сияющий Влад.

– Кофе подан. Настоящий итальянский кофе! – воскликнул он. – Пойдем, Рудольф!

Я поставил бокал на стол, так и не сделав ни глотка. Влад взял меня за руку, как строгая няня расшалившегося мальчика, и провел в длинный, узкий зал, где витал аромат кофе, смешанный с запахом пыли.

Сумерки уже сгустились. Мрачное помещение залы освещалось лишь огнем камина, возле которого стояли два низких диванчика. Только на них и можно было сидеть, так как кресла были под чехлами. Отблески огня падали на черное дерево столов, отполированных несколькими поколениями обитателей дома, – сюда клали книги, ставили чаши чая, локти и подсвечники. У зала был свой, особый колорит.

Гаральд разлил кофе по чашкам:

– Надеюсь, вы нас простите, Рудольф, за то, что мы содержим зал в таком состоянии. Мы почти не заходим сюда, когда бываем в доме одни. Он слишком велик для нас двоих. Но мы сочли, что вам будет любопытно взглянуть на него.

– Потрясающе! – сказал я. – Это какой-то рай на земле.

– Гардины настоящие, парчовые, старинные, – продолжал Люстерник. – В прошлом году мы собирались их заменить и произвели оценку. Полмиллиона рублей! Вопрос отпал сам собой. Решили сохранить – пусть висят, как висели. Одна беда – в них въелась вековая пыль. А чистить нельзя. Тронешь – только пыль и останется.

– Гаральд Яковлевич, они великолепны именно уже тем, какие есть, – заверил я. – Ваш зал – один из самых прекрасных, в которых мне довелось побывать. И не вздумайте чистить эти гардины!

– Как приятно это слышать от вас, Рудольф, – обрадовался Люстерник.

Джордж сидел возле самого огня напротив нас, подложив под спину большую подушку, закрыв глаза и тихонько посапывая. Гаральд Люстерник немного понаблюдав за Джорджем, затем пожал плечами, поставил перед ним блюдо и чашку и поднялся с диванчика.

– Вы любите музыку? – спросил он меня.

– Погоди, я полагаю, что... – Влад попытался перебить Гаральда.

– Ведь музыка – это божественно, – пропел Люстерник, не обращая внимания на вмешательство Орлова. – Какое блаженство – читать книгу и одновременно слушать Баха! Вы согласны со мной?

Гаральд ушел в самый дальний конец зала, достал какие-то лазерные диски и поднес к глазам, очевидно, с трудом разбирая в полумраке название. Похоже, это оказалось не то, что он хотел, и Люстерник положил диски на место.

– А знаете, я и сам когда-то играл, – вздохнул он. – И меня считали отличным пианистом.

Собственный храп разбудил Джорджа, он вздрогнул и открыл глаза. Какой-то миг тот ословело таранился в темноту. Точь-в-точь как гусь Дак из диснеевского фильма. Потом его глаза опять закрылись, подбородок уперся в грудь, и Джордж снова захрапел. Мерное похрапывание Джорджа действовало на Гаральда, как красная тряпка на быка. В голосе прорезались металлические нотки.

– У каждого композитора свой шарм, вы не находите? – обратился Гаральд ко мне. – Влад, к примеру, в восторге от Шопена, да, дорогой Джордж? – по-видимому, Орлов намеревался что-то ответить, но Гаральд не дал ему и словечка произнести. – Лично я предпочитаю Генделя. Он такой ясный и более организованный, что ли. Вот, смотрите.

Люстерник открыл шкафчик и принялся там суетливо копать. Так добросовестный хозяин ищет тряпку, чтобы подтереть каплю воды на полу в кухне, сверкающей чистотой.

– Романтики такие скучные! – донеслось до меня. – Вечно ноют по поводу и без повода. Да так напыщенно!

Гаральд извлек из шкафчика затрепанный альбом, вынул из него лазерный диск и поместил его в порт музыкального центра.

– Черт! – выругался он.

– Да, Гаральд Яковлевич...

– Джордж, подойди и сделай что-нибудь! Вечно у меня неладит с этой твоей техникой! – простонал Люстерник. – Я уже вне себя, вне себя...

Джордж встал. Его сухое тело выросло к потолку, как будто кто-то снял с полки свитер и развернул его. Гаральд уступил Джорджу право щелкать клавишами центра, а сам вернулся к столу и подлил мне кофе.

Через мгновение из усилителей хлынули потоки бетховенской музыки. Ее волны покатались по залу. Кажется, седьмая симфония?..

Гаральд подскочил на диване. Вероятно, он не заметил, что, возясь с проигрывателем, повернул регулятор громкости до упора.

– Джордж! – взорвался он. – Убавь громкость. – Затем повернулся ко мне: – Седьмая симфония Бетховена. Пожалуй, это единственная его вещь, которую я способен выносить. Ну, еще «Крейцера соната»... А все остальные чересчур помпезны. Вы не находите?

Джордж послушно повернул регулятор, но возвращаться к столу не стал, а застыл возле колонки, очевидно чтобы ему было лучше слышно.

Я не ответил на вопрос Люстерника. В течение нескольких минут мы, все четверо, молча слушали первую часть произведения. Стоило музыке зазвучать, как блаженно-хмельное состояние, в котором я пребывал, начало меня покидать. Очарование прекрасного зала померкло. Ощущение легкости пропало, и я почувствовал, как что-то давит на меня. Поначалу я никак не мог определить, что именно и откуда оно взялось. Как будто грозовое облако окутало меня и гроза впивалась в мою кожу. Казалось, все мои восприятия проходили через фильтр незнакомой мне реальности – иной эпохи и места, иного, не моего, генетического кода. Облако вокруг меня становилось все гуще и гуще, пока в конце концов я уже не способен был разобрать, что за музыка звучит в зале. Казалось, пространство заполнено не воздухом, а каким-то куда более плотным, густым, вязким газом – никто из нас не мог и рта раскрыть. Влад коснулся моего плеча и робко улыбнулся, словно ребенок, ищущий ободрения. Он находился на расстоянии не более полутора метров от меня, но я увидел его словно через мощный телескоп, но из дальней дали. Один обман, сплошной обман кругом, подумал я. Все ложь – и то, что происходило сегодня днем, и то, что происходит вечером. Разместившись в гостях на «их» софе и попивая «их» кофе, я принимал, как мне казалось, участие в постыдном действе.

Гаральд Люстерник достал набор лазерных дисков и подошел к музыкальному центру. Включил музыку. Первая часть симфонии завершилась. После кратковременной паузы началась вторая часть. Вырвавшиеся из заточения звуки понеслись мне навстречу из противоположного конца старинного зала, соединяясь в некую музыкальную ткань, в основу которой – всепоглощающую радость – постепенно вплетались звуки невыразимой скорби.

Все еще стоявший в отдалении от нас в углу зала Джордж, увлеченный симфонией, подался вперед и стал потихоньку усиливать громкость звука. Точно так малыши-сладкоежка исподтишка – чтобы не заметила мама! – все накладывает и накладывает в мороженое варенье. Люстерник, поглощенный гостями, похоже, не заметил самовольства Джорджа.

Музыка звучала все громче. То ли Джордж, потакая собственной слабости, переусердствовал, то ли у меня не на шутку разыгралось воображение... теперь уже не определить. Несомненно одно – от покоя, от умиротворенности, которую подарили мне алкоголь и уют дома Джорджа, не осталось и следа. Музыка пронизывала мою плоть. Казалось, мелодия, словно ветер, распахнула дверь в другую вселенную, в тот мир, что не имел ничего общего ни с красотой старинного зала, ни с сидящим у музыкального центра Гаральдом Люстерником, ни с Джорджем, втайне от него крутившим ручку регулятора, ни с Владом Орловым, глаза которого сияли от счастья. Музыка пробрала меня до кончиков ногтей, и ни в каком-то переносном, а в самом прямом смысле слова, буквально вывернув наизнанку, вытащив мышцы наружу, выпустив кишки и наполнив каждую мою клеточку равно как ужасом, так и восторгом. По-моему, звук продолжал нарастать...

И вновь я уловил знакомый тяжелый запах испарений кавказских лесных джунглей, где все пышно разрасталось и плодилось. Чащобы «зеленки» наступали на меня, обволакивая, готовые поглотить всего меня без остатка. Я словно увязал в густых кавказских лесах и становился их частью, где, растворившись, уже невозможно отделить себя от этого мира, от этих дебрей, невозможно понять, кто ты есть и каково твое предназначение. Этого-то им и надо, руководителям военной кампании, кто делает из тебя убийцу. Пусть все вокруг превратится в нечто бесформенное и неопределенное, и нельзя будет понять, что за предмет перед тобой, и не за что будет ухватиться – вот что им нужно. И тогда появятся они, тамошние бандиты и террористы. И укажут тебе путь – ту самую дорогу к победе, чтобы выполнить очередную спецоперацию по ликвидации наемников-убийц. Мне припомнились подробности этого триллера из собственной жизни, а не из голливудской ленты, получившей Оскара...

Бетховенская музыка продолжала нарастать. Старинный зал стал оживать (именно зал, его фактура). Ворсинки ковра, лежавшего у меня под ногами, резко вытянулись – выросли в настоящий лес. И я, как Гулливер в стране лилипутов, поигрывал кронами этого леса, шевеля их носком башмака.

Чуть погодя я отхлебнул из чашки немного кофе в надежде, что он прочистит мне мозги. Кофе был потрясающий: черный и крепкий, вкусный до невозможности. Я поставил чашку на место и потер пальцами ткань, драпировавшую подлокотник дивана. К своему ужасу, я вдруг ощутил, что способен различить каждую ниточку этой ткани, имитирующую гобелен. Я будто приподнял покров над чем-то невидимым. Я быстро отдернул руку от подлокотника, но это уже мало что меняло. Все, буквально все в зале ожило, пришло в движение, задыхало. Музыкальная ткань, казалось, проникала в мою плоть, вживлялась в мою суть. Сплетение звуков пробудило во мне какие-то доселе дремавшие силы. Я и не подозревал о существовании этих сил, мощных, непредсказуемых и неподвластных человеку. С каждой новой музыкальной фразой они нарастали во мне и рвались наружу. Что это была за мощь, каково ее предназначение, я не знал, но совершенно отчетливо чувствовал ее нарастающее давление. Возникла острая потребность в движении. Находиться в этом зале более было невозможно. Я резко поднялся, опрокинув столик и окатив Гаральда горячей черной жидкостью.

*Он пронзительно закричал и вскочил с дивана. Я схватил его за плечи и встряхнул.
– Заткнись! – прорычал я. – Сейчас же заткнись!*

Его голос был для меня непереносим. Я готов был на все, чтобы заставить его замолчать.

– Рудольф! – завизжал Влад.

Я толкнул Гаральда в грудь. Он рухнул на диван и умолк. А я бросился в тот угол, где стоял Джордж, рванул усилитель на себя, затем вознес его над головой и грохнул об пол. За ударом последовал странный звук – что-то пискнуло. И наступила тишина.

– Боже, Рудольф, что ты делаешь?! – Орлов кинулся ко мне.

– Прочь с дороги, Влад! – проорал я, но он не обратил внимания на предупреждение. – Прочь с дороги, ну! – повторил я. – Прочь сейчас же!

Влад замер. Тело его обмякло, руки безвольно опустились. Я направился к двери. На пороге оглянулся. Так погромщик бросает последний взгляд на дело рук своих, наслаждаясь картиной разрушения.

В зале воцарилась тишина. Все застыло, словно стоп-кадр. Волшебная ткань дивана вновь сделалась обыкновенной, мебель перестала дышать, из ворсинок ковра уже не вырастали леса, а люди были ни живы ни мертвы, молча застыли на месте.

– Да простит меня Бог, – пробормотал я, распахнул дверь, взбежал по лестнице на второй этаж в отведенную мне комнату и упал на диван. И внезапно уснул, как будто провалился в глубокий колодец-пропасть.

Вдруг раздалось легкое постукивание в дверь. Я взглянул на часы – было пять минут первого ночи. Очень удивившись, я вспомнил, что в гостях, и решил открыть. Встал и шагнул к двери, в полутьме споткнулся и, больно ударившись бедром о шкаф, взвыл от боли. Включил свет. Собака, вероятно курихаар Пирей, обычно лаем бурно реагирующая на все посторонние звуки, странно поскуливала в коридоре, забившись в какой-то угол.

Я приоткрыл дверь – на площадке в длинной шубе стояла Елена Сергеевна Булгакова и улыбалась. Совершенно обалдев, я распахнул дверь. Елена Сергеевна сказала своим грудным голосом:

– Рудольф, извините за такой поздний визит, но просто дело очень серьезное. Входить не буду: внизу в машине меня ждет Михаил Афanasьевич. Зная, какое у вас сейчас настроение, я пришла вас успокоить: у вас все наладится, переживать не надо. Одевайтесь, вас ожидает «Мерседес» – едем в дом Мака, – ой, прошу прощения! – в дом Булгакова с его «нехорошей квартиркой».

Елена Сергеевна кивнула и притворила дверь. Из коридора послышался перестук ее туфель – она спускалась вниз.

Я налил в бокал бордо, сделал глоток, поморщился. Но умиротворение не наступало: сердце бешено колотилось, и унять его было невозможно. Я распахнул окно, взглянул в черноту ночи, затем прилег на кушетку. Вино разлилось внутри меня успокаивающим огнем, и это немного утешило меня, и вдруг я полетел куда-то в крошечную тьму. Уснул? Нет, это не было обычным забытием спящего человека, а некие реальные перемещения в пространстве жуткого сумрака сначала над Подмосковьем, а затем – над залитой огнями ночной столицей, а вернее сказать – над совершенно незнакомой мне Москвой.

В эту ночь я был неведомым образом перенесен к порогу Дома Булгакова. Воздух был недвижим. Над моим ухом зазвенел комар, прилетевший из предместий Первопрестольной. Окружающий пейзаж казался необычным: Садовая зияла пустотой – ни привычной череды машин, ни людей на тротуарах; лишь фигура краснолицего бомжа в лохмотьях съезжилась в проеме приоткрытых ворот.

Неожиданно раздался шорох шин – это бесшумно подкрался черного цвета «Мерседес». Лимузин резко затормозил и остановился подле меня. Дверцы открылись, из салона выбрался

худой человек в строго черном костюме. Такого изможденного лица, как у него, я никогда прежде не видел. Водянистые, глубоко запавшие глаза смотрели оценивающе и высокомерно. На тонких губах змеилась презрительная усмешка.

Незнакомец приказал мне следовать за ним. Голос его был сухим и властным. Странно, но волю мою и тело парализовал беспричинный страх. Я подчинился.

Мы беспрепятственно нырнули в арку Дома Булгакова, прошли мимо бронзовых фигур Коровьева и Бегемота и оказались возле дверей в подвал. Незнакомец дотронулся до невидимой кнопки, и кованые створки бесшумно отворились. Мы спустились вниз, прошли по коридору и свернули в сумрачную боковую комнатку. Мой спутник толкнул неприметную дверь – та тихо скрипнула, и перед нами открылся низкий сводчатый коридор, ведущий куда-то вниз. Мы бесшумно двигались по ковровой дорожке, ведущей по спирали в подzemелье; канделябры на боковых стенах освещали нам путь ярко горящими свечами.

Пока шли вниз, спутник не произнес ни слова.

Мы остановились перед тяжелыми коваными дверьми. На мои глаза надели повязку. Раздался лязг отпираемых запоров, мы вошли внутрь какого-то помещения.

Повязку сняли.

Я оглянулся и оторопел от увиденного: мы оказались в мрачном вестибюле с низкими сводчатыми потолками, в которые упирались колонны; в металлических светильниках-лампадах потрескивал огонь. У входа стояли три скелета, на полках в беспорядке покоились черепа или адамовы головы со скрещенными костями. На тумбочке, покрытой красным бархатом, воцарились кинжал, пистолет, стакан с ядом и табличка со знаковым изречением «Кинжал, пистолет и яд в руке посвященного – это последнее лекарство для души и тела». На стене картина и распятый Христос; внизу подписано: «Одним «Утешенным» доступен свет Истины, которого не ведают ни прелаты, ни князья, ни ученые, ни сыны «нового Вавилона».

Мой провожатый негромко, но довольно жестко сказал:

– Друг мой, не надо слов, только слушайте и подчиняйтесь. Вы удостоились чести быть принятым в наше братство. Вопросов не задавать, прошу делать то, что скажут.

Со скрипом передо мной распахнулись окованные железом двери, и мы оказались в просторном зале некоего громадного замка. Стены помещения, выложенные красным кирпичом, представляли правильные прямоугольники; в огромную залу вело шесть дубовых дверей. Пилястры и потолок радовали глаз зеленовато-голубыми тонами. С потолка свисал трос, держащий бронзовый равносторонний треугольник – своеобразный светильник; под ним стояли громадные витые канделябры с толстыми свечами. На шести венских стульях сидели в камзолах и париках какие-то сановники и непринужденно переговаривались между собой. Спиной к нише, обрамленной полудрагоценным опалом, в кресле, за столом-конторкой под тяжелым черным бархатом балдахина сидел Великий Командор Гаральд Люстерник. Над ним царил венчаный золотой двуглавый орел с распростертыми крыльями; в его сжатых когтях был меч...

Гаральда Люстерника я узнал тотчас же. По правую его руку возвышался светильник из трех свечей, а перед ним была раскрыта толстая книга, страницы которой были испещрены вязью то ли на иврите, то ли на арабском.

Пронзительно посмотрев мне прямо в глаза, он отдал кому-то распоряжение:

– Все уже в сборе, Приемщик, приступайте к делу. Итак, первая молитва – Моисеева.

Шестым чувством я понял, что сейчас будет проведен обряд посвящения в масонскую ложу. Я безропотно и легко подчинился ритуалу, и соглашался со всем, что мне говорили.

Как посвящаемый в капитул «Утешенных», я поначалу вступил на начертанные знаки на ковре, совершенно не понимая еще масонского значения символических фигур: тайна символов будет мне оглашена только после клятвы сохранения тайны и соблюдения орденских

знаков. Положив руку на Библию и лежащий подле обнаженный меч, я стал читать текст клятвы, поданный мне спутником в сером одеянии.

– Клянусь, во имя Верховного Строителя всех миров, никогда и никому не открывать без приказа от ордена тайны знаков, прикосновений, слов доктрины и обычаев франкмасонства и хранить о них вечное молчание. Я обещаю и клянусь ни в чем не изменять ему ни пером, ни знаком, ни словом, ни телодвижением, а также никому не передавать о нем – ни для рассказа, ни для письма, ни для печати или всякого другого изображения и никогда не разглашать того, что мне теперь уже известно и что может быть вверено впоследствии. Если я не сдержу этой клятвы, то обязываюсь подвергнуться следующему наказанию: да сожгут и испепелят мне уста раскаленным железом, да отсекут мне руку, да вырвут у меня из рта язык, да перережут мне горло, да будет повешен мой труп посреди ложи при посвящении нового брата как предмет проклятия и ужаса, да сожгут потом и да рассеют пепел по воздуху, чтобы на земле не осталось ни следа, ни памяти изменника.

Приемщик подошел ко мне и отрезал у меня часть волос на голове и ноготь на указательном пальце правой руки.

– Служи Богу, обрезывайся больше сердцем, чем телесно, в знак вечного союза между Богом и духом людей!

Далее последовала вторая молитва – Иисусова, по окончании которой Приемщик сказал:

– И был голос с неба: сей сын есть сын мой возлюбленный, о нем же благоволих. – И Вводитель надел на указательный палец моей правой руки кольцо со словами. – Сын Божий, прими это кольцо в знак и залог твоего вечного единения с Богом, истинною и нами! Аминь!

И наконец прозвучала третья молитва – Бафометова, представляющая пересказ начальных стихов Корана. Приемщик огласил в конце такое резюме:

– Один Господь, один алтарь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, и каждый, кто призовет имя Господа, спасен будет.

Вводитель поднял меня с колена, помазал веки миром и проговорил:

– Помазую тебя, друже Божий, елеем благодати, чтобы ты увидел Свет нашего утешения, озаряющий тебя и нам всем путь к истине и вечной жизни. Аминь.

После совершения мной всех этих молитв и обрядов Приемщик вынул из ящика идол Бафомета и, подняв его на руки, показывал всем и произносил:

– Народ, ходивший во тьме, увидел великий свет, который вооблистал и для сидящих в стране и сени смертной. Трое суть, которые возвестили миру о Боге, и эти трое – суть одно.

– JaAllah (слава Божия!)/! – послышалось отовсюду.

Все, кто был поблизости, подходили к Приемщику, целовали идола и прикасались к нему своим поясом. То же повторил и я.

Приемщик взял меня за обе руки и проговорил:

– Ныне прославился сын человеческий, и Бог прославился в нем. Вот братья, новый друг Божий, который может говорить с Господом, когда пожелает; воздайте Ему благодарность за то, что он привел вас туда, куда вы пожелали, и ваше желание исполнилось. Слава Господа да прибудет в духе и сердце всех нас. Аминь!

Мне показали готовый диплом своего причисления к ордену, и этим вся церемония принятия в первую степень ученика закончилась. Великий Командор Гаральд Люстерник, или Председатель ложи, резюмировал:

– Теперь вы, брат, должны в качестве ученика, принятого в ложу, работать над собою, совершенствоваться в добродетелях, усваивать «царственную науку вольных каменщиков» и подготовиться к прохождению других, более высоких степеней.

Мне был вручен белый кожаный фартук, как знак, что я, будучи профаном, теперь вступил в братство каменщиков, созидающих Великий Храм человечества. Дали лопаточку – неполированную, серебряную; «ибо отполирует ее употребление при охранении сердец от напа-

дения от расщепляющей силы», пару белых мужских рукавиц – в напоминание того, что лишь чистыми помыслами, непорочною жизнью можно надеяться возвести Храм Премудрости.

Я облачился в круглую шляпу – символ вольности, повесил кинжал на черной ленте с вышитым серебром девизом: «Победи или умри!».

– А сейчас Приемщик познакомит тебя с нашими сокровищами, – сказал Председатель собрания.

Им оказался мой спутник, который тут же кивнул мне: идем дальше.

Повсюду стояли странные приспособления из дерева – стеллажи с черепами, человеческими костями, высушенные звериные шкуры, перетянутые веревками и ремнями.

Я безропотно следовал за таинственным проводником, не в силах и помыслить о протестах или своем недовольстве. Создавалось впечатление, что мы шли по лабиринту из сводчатых полутемных коридоров, гигантских, залитых золотисто-серебряным светом зал с вернисажами и экспозициями реликвий, артефактов, гобеленов и полотен.

Анфилада из комнат закончилась, и мы продолжили шествие. Тьма окружала нас; лишь канделябры-светильники выхватывали те или иные предметы вокруг, и тогда я видел не то людей, не то призраков в длинных сутанах с капюшонами – так, что их лица нельзя было разглядеть. Все эти пилигримы неспешно брели в ту сторону, куда направлялись и мы.

Мы расстались с этим подземным мраком так же незаметно, как вошли в него, и оказались в огромной сокровищнице, полной золота и драгоценных камней. Там было светло, как бывает за городом в ослепительно-солнечный июньский день; однако я нигде не увидел окон. Залу освещали все те же трехсвечные канделябры, а с потолка свисал трос с гигантским треугольником, наипигованным светильниками.

На стенах висели полотна с масонской символикой, о которой я прежде только слышал. В центре этих панно с ориентацией на север-юг, запад-восток красовались пятиконечные пламенеющие звезды. Линейка и отвес символизировали равенство сословий. Угломер – символ справедливости. Циркуль служил знаком общественности, а наугольник, по другим объяснениям, означал совесть. Дикий камень – это грубая нравственность, хаос; кубический камень – нравственность, но уже «обработанная». Молоток, как неперенный атрибут мастера, служил символом власти. Являясь орудием для обработки дикого камня, он таил в себе знак молчания, повиновения и совести; а по другим объяснениям, молоток нес в себе символ веры. Лопаточка – снисхождение к слабости человечества и строгости к себе. Ветвь акации – бессмертие; гроб, череп и кости – презрение к смерти и печаль об исчезновении истины.

В симбиозе своем из каждого кусочка или предмета из одеяния масонов складывается облик Добродетели. Круглая шляпа – символ вольности... Обнаженный меч – карающий закон; это знак борьбы за идею, предназначенный для казни злодеев и защиты невинности. Кинжал – это символ предпочтения смерти поражению, борьбы за жизнь и смерть...

Потолок располагался слишком высоко, а сама комната была громадной и поражала немислимой роскошью. В нишах стояли изваянные из камня две полубогащенные фигуры Гермеса-Меркурия с повязкой на глазах: одна с жезлом в руках, другая – в привычной позе бегущего посланца. Особенно потрясала картина «Обезглавливание», где на облачном фоне воин в стилизованных римских доспехах и пурпурной накидке держал в правой руке окровавленный меч, а в левой – отрубленную голову. Второй план являл собой пасторальную идиллию: мирно беседующие обнаженные люди, а также отдыхающие животные – львы, собаки; а в стороне – закрывшейся щитом ангел. Все это только усиливало воздействие непритязательного сюжета; и настолько сильно, что я, находясь рядом, чувствовал себя дискомфортно – странно и неуверенно.

Ну, а Приемщик в сером одеянии снова обратился ко мне. Он сказал жестким, не терпящим возражения голосом, что все, что я вижу перед собой, откроет мне многие тайны и,

если нужно, станет моим, если я опущусь на колени перед панно и помолюсь обычной молитвой во славу Господа.

Я посмотрел на старинный гобелен, испещренный геометрическими символами: равно-сторонними треугольниками, мозаиками, концентрическими кругами, прямоугольниками. В центре был выписан гроб, в котором, как было обозначено, покоится тело убитого архитектора Хирама (Адомирама), возводившего храм Соломона.

Я почувствовал, как сами собой сгибаются колени, а я опускаюсь на пол.

– Да святится имя Твое, да... – прошептали сами собой губы, но тут же мой рот сковала немота.

Вдруг я услышал божественную музыку. То было, несомненно, творение великого Моцарта, и музыка была так восхитительна, ярка и неповторима, что слезы непроизвольно потекли из глаз.

Райские аккорды маэстро гремели все громче и желаннее, кольцами обвивалась вокруг меня, и даже приподнимали мое тело над полом из красного с черными точками мрамора...

И вдруг прямо передо мной повисла посмертная маска Булгакова: небольшая голова, зачесанные на пробор волосы и умиротворенное лицо с закрытыми глазами.

Слезы хлынули у меня из глаз столь бурно, что я не мог различить черт моего спутника в черных одеждах. Чары рассеялись. Против моей воли губы мои зашевелились, повторяя слова заупокойной молитвы, смысл которых я давно позабыл:

– *Libera me, Domine, de Morte Aeterna* (заупокойная молитва – лат.).

Мой спутник был уже далеко впереди, он толкнул рукой в стену, покрытую гобеленом, и та легко отворилась. Я побежал следом, чтобы не отстать.

Проследовав дальше, мы оказались в помещении, задрапированном черными тканями. На стенах – черепа и перекрещенные кости с надписью «Мemento мори», на полу – черный ковер с нашитыми золотыми словами, и посреди ковра открытый гроб, покрытый красной, будто окровавленной, тканью. Я смотрел, как завороженный: ведь в гробу лежало чье-то тело; слева, где сердце, покоился золотой треугольник с именем «Иегова» с золотой ветвью акации; в головах и ногах усопшего были циркуль и треугольник. Гроб окружали три светильника-канделябра, поддерживаемые тремя человеческими скелетами. По правую сторону от жертвенника, на искусственном земляном холме, сверкала золотом ветвь акации. Все здесь символизировало глубокую скорбь: это было горе по убитому архитектору храма Соломона – Адомиру.

Раздались три удара молоточком.

Мой спутник пояснил:

– Теперь ты должен пройти последнюю степень масонской лестницы ступеней, но в старом принятом шотландском обряде «Рыцарь белого и черного орла, Великий Избранник Кадош». Но мы должны быть уверены в твоём бесстрашии и преданности Ордену. Поэтому ты опустишь руку в расплавленный свинец и совершишь убийство человека.

– Как это?! – вскричал я. – Не могу-у.

– Сможешь, – жестко отозвался Приемщик. – Во-первых, это будет не свинец, ртуть. Ну а вместо живого человека перед тобой его фантом, состоящий из туловища с приставленной головой. Мы приказываем тебе: порazi «убийцу Адомирама», отомсти за его смерть!..

Когда я выполнил все, что от меня требовалось, мой спутник подвел меня к гробу и проговорил, что теперь я могу узнать заветное слово, без которого нельзя было закончить построение иудейского храма.

Я взглянул на покойника и ахнул: в гробу лежало тело Михаила Афанасьевича Булгакова. Но что-то было тут не вполне так, но что? Я напряженно думал, и никак не мог понять. Ах, да! Его лицо не было отчужденным ликом покойника.

«Да он ведь живой!» – успел подумать я.

Но тут над моей головой раздался оглушительный разряд грома и свет ослепил меня. Пропало все: комната-мавзолей Булгакова, мой спутник в сером плаще.

А я оказался в переделкинском особняке, в своей комнате.

И тут у меня в ушах прозвучал голос великого писателя:

– Все, что произошло с тобой, – великая тайна. Никому ни слова. Но важные моменты поверь бумаге. Торопись, времени в обрез.

– Какие моменты, о чем писать? – в недоумении поинтересовался я. Ответом было молчание.

Немая печаль сковала меня по рукам и ногам. Вечный мир Воланда, куда провидение перенесло меня, и где совершился со мной какой-то ветхозаветный языческий ритуал, – вот та новая планида, где мне нужно теперь жить-существовать. С прежней жизнью, казалось, теперь покончено навсегда. Нужно забыть законы здравого смысла людей, былую уверенность в идеалах сегодняшнего христианского мира. С этого момента ни душевного покоя, ни трезвости и ясности рассудка, ни женской любви – никаких человеческих радостей, а только потусторонние игры всерьез, где я, скованный навеки страшной клятвой, должен быть и жить с иными ценностями и по иным законам, если таковые там существуют...

С другой стороны, будет время прийти в себя после того кошмарного сна, когда я оказался в подземных залах масонского братства и был посвящен в высшие степени Ордена и дал клятву и обет молчания. Но чисто человеческое любопытство не давало мне покоя. И я попробовал отыскать те входы в подземелье с коридорами, залами и помещениями, которые, как мне показалось, существовали на самом деле, а не привиделись во сне.

Уже много позже я две или три ночи я блуждал в окрестностях Дома Булгакова в поисках входа в те самые катакомбы, где и должен был быть подземный замок. Но входа я так и не нашел. Работники Дома Булгакова, откровенно говоря, не понимали, о чем я их спрашиваю.

Хотя я повстречал похожего бомжа с испитым бордовым лицом, который прислонился к решетке арки Дома Булгакова. Это произошло в последнюю ночь, под самое утро.

Я остановился рядом с бомжом, протянул ему деньги и спросил:

– Помнишь, как ночью приехал черный «Мерседес», и я с мужчиной в черном прошел мимо тебя ...

Он повернул ко мне ужасное иссиня-красное лицо и произнес жарким и сильным голосом:

– Человек в черном ждет тебя. Разве ты не знаешь? – и захохотал диким смехом сумасшедшего.

Разумеется, клятва, данная мною, запрещала расспрашивать или говорить обо всем этом, тем более – упоминать о моих встречах с Булгаковым. Хотя глаза мои остаются слепыми, а рот – немым, но я не мог противоречить себе и пытался смотреть на все происходящее незамутненным взглядом ученого человека. Нужно было разобраться: в чем причина моих ночных кошмаров, всего этого умопомрачения? Неужели это нервный срыв, связанный со смертью Булгакова? Или какая-то дрянная пища, попадая в мой желудок, отравляла мозг? А может, причина – в моей совести, которая мечется между правдой и кривдой и не может найти тихую пристань? Или это вина неисполненного долга – клятва, данная умершему Булгакову? И от этого мечется моя душа и помрачился рассудок? Не знаю. Загадка какая-то, тайна... Может, сходить в храм, покаяться во всех грехах, вольных или невольных?..

Попытки примирить мою душу с телом закончились у меня ничем.

Я решил изменить свою жизнь по принципу: меняйся – или умрешь... Вернувшись в дом, я почувствовал страшную слабость. Нестерпимо болело бедро правой ноги, которым я сильно ударился, открывая ночью дверь Елене Сергеевне Булгаковой; – каждый шаг вызывал неприятную боль, руки мелко подрагивали. Я приготовил себе черный кофе, а сам поднялся в кабинет, достал дневник из дальнего ящика письменного стола и занялся бумагами Булгакова и всем тем, что было с ним связано....

...Утром мы, поздно позавтракав, уехали с Владом Орловым в Москву. С Люстерником и Волковым попрощались, как с закоренелыми друзьями. Про свой то ли сон, то ли явь я не проронил ни слова...

Когда мы подъезжали к метро «Проспект Мира», я распрощался с Владом и пошел пешком. Дорога заняла около часа. К одиннадцати часам я добрал до своей квартиры на Кошенином лугу.

Я приступил к делу через пару минут после того, как ввалился в свою квартиру на первом этаже. Дрожащей рукой повернул ключ в замке ящика и осторожно извлек оба свертка, переданных мне экс-полковником МВД Эдуардом Хлысталовым.

Начало светать. Тишина оглушала. Чувства были напряжены до предела, обострилось даже обоняние. В таком состоянии я принялся развязывать обтрепанную бечевку, разворачивать выцветшую красную тряпицу, под которой, казалось, таилось нечто живое, да и сама она, ткань, как мне мерещилось, была живой и дышала.

Под тряпицей я обнаружил две пожелтевшие от времени рукописи – скорее всего, это были письма, выполненные изящным почерком. Между строк убоистого текста кто-то старательно вписал английский перевод мелкими аккуратными буквами. Почерк был аристократический. Вторая рукопись содержала только текст, написанный неровно – видимо, автор манускрипта во время работы болел или пребывал в великом смятении. Чтение текста представляло серьезную трудность для того, у кого не было опыта расшифровки рукописей девятнадцатого-двадцатого веков. Я попробовал и пришел к выводу, что сначала лучше прочитать эпистолярный, поскольку было легче понять смысл написанного столетия назад.

Я отложил вторую рукопись и, устроившись за столом поудобнее, принялся за чтение первой. Это были письма, сочиненные лет пятьдесят назад.

Сверху на странице стояло всего одно красиво начертанное слово «Булгаков». Чуть ниже той же аристократической рукой, но мелкими буквами был выведено: «Доктор Н.А. Захаров, который вел своего великого пациента М.А. Булгакова до последних дней». Вот так. Строки аккуратного почерка, казалось, мерцали, становясь то ярче, то покрывались туманным флером, когда я всматривался в страницу, и притягивали меня к себе, словно страшная тайна, которую так хочется расшифровать.

Я начал читать, и у меня появилось ощущение, что я прорвал какую-то тонкую перегородку, отделявшую один мир от другого. До сих пор я жил в двух мирах – прошлом и настоящем, но теперь знал, что вырвусь наконец из реалий повседневности, шагну в третий мир – своеобразное Зазеркалье; в тот загадочный перевернутый мир, простирающийся где-то рядом, за каждой зеркальной поверхностью.

Только в одном я был уверен: пути назад нет.

Становление

Биография М. А. Булгакова
(П. С. Попов⁴)

Михаил Афанасьевич Булгаков, сын профессора-историка, родился в Киеве 15 мая 1891 г. Ему было около шестнадцати лет, когда умер его отец, Афанасий Иванович. В большой семье Булгаковых значительную роль для внутренней биографии сына сыграла мать писателя, Вар-

⁴ Первая биография М. А. Булгакова, написанная его другом П. С. Поповым в 1940 году. Попов Павел Сергеевич около десяти лет бескорыстно выполнял обязанности помощника при Булгакове, что было непросто, учитывая сложный характер мастера. Созданный автором образ некоего агента, посланного иллюминатами, уничтожившего многие документы великого писателя, не соответствует действительности и является данью избранному автором жанру.

вара Михайловна, рожд. Покровская, – человек выдающийся и незаурядный. Михаил Афана-сьевич с младенческих лет отдавался чтению и писательству. Первый рассказ «Похождения Светлана» был им написан, когда автору исполнилось всего семь лет. Девяти лет Булгаков зачитывается Гоголем – писателем, которого он неизменно ставил себе за образец и наряду с Салтыковым-Щедриным любил наибольшие из всех классиков русской литературы. Мальчиком Михаил Афанасьевич особенно увлекался «Мертвыми душами»; эту поэму он впоследствии инсценировал для Художественного театра. Гимназистом Михаил Афанасьевич читал самых разнообразных авторов: интерес к Салтыкову-Щедрину сочетался с увлечением Купе-ром. «Мертвые души» расценивались им как авантюрный роман. Сочинения в гимназии писал хорошо, но впоследствии говорил, что «с общечеловеческой точки зрения это было дурное, фальшивое писание – на казенные темы». Учителем словесности был человек весьма незна-чительный. Впрочем, от гимназии у Михаила Афанасьевича остались очень богатые впечат-ления, от университета – гораздо более скудные.

По окончании гимназии в 1909 году Михаил Афанасьевич, после известного колебания, избирает медицинский факультет; его интересовали также юридические науки. Он предпочел карьеру врача. Работа медика ему казалась блестящей и привлекательной.

Наиболее выдающимся из своих фельетонов, написанных в начале революции, он считал «День главного врача», в этом очерке описывается врач в боевой обстановке. Впоследствии многие случаи из своей медицинской практики он описал в ряде фельетонов, напечатанных в журнале ЦК Медсантруда «Медицинский работник» (1925–1927 гг.), предполагая издать особую книгу «Записки юного врача». Первая женитьба Михаила Афанасьевича относится к 1913 году. По окончании Киевского университета в 1916 году Михаил Афанасьевич в должнос-ти земского врача поселяется в Сычевке Смоленской губернии. Гражданскую войну на Укра-ине (1918–1919 гг.) Булгаков пережил, находясь в Киеве. Его литературный дебют относится к 19 ноября 1919 года. В своей автобиографии Булгаков писал: «Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, еду в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты». По собственному свидетельству, Михаил Афанасьевич пережил душевный перелом 15 февраля 1920 г., когда навсегда бросил медицину и отдался литературе. К творчеству Михаила Афанасьевича приложима характеристика, данная профессором А. Б. Фохтом в отношении А. П. Чехова, – Чехов был учеником Фохта по медицинскому факуль-тету: «Немало дала писателю медицина, которая много берет из жизни и цель которой пре-красно отмечена у Гете: «Цель медицины, как науки, постигнуть жизни сложный ход». Дей-ствительно, врачу, как никому другому, близки интересы жизни, ему легче ориентироваться в типах, легче проникать в тайники человеческой жизни».

1920 год Михаил Афанасьевич проводит во Владикавказе (Орджоникидзе), там он пишет и ставит первые свои три пьесы, впоследствии им уничтоженные: «Самооборона», «Сыновья муллы» (из ингушской жизни) и «Братья Турбины» (не смешивать с известными «Днями Турбиных»). Во Владикавказе Булгаков читает курсы по истории литературы в Народном университете и Драматической студии. С 1921 года Михаил Афанасьевич поселя-ется в Москве; испытывая большие материальные затруднения, он принужден отдавать свои силы мелкой газетной и журнальной работе. Одно время он – конферансье в театре, то он – заведующий издательской частью научно-технического комитета. В качестве хроникера и фельетониста Булгаков работает в «Торгово-промышленном вестнике» и в газете «Гудок», печатается также в «Рупоре», «Красном журнале для всех», «Красной газете», «Красной панораме» и берлинской газете «Накануне». В приложениях к этой газете он печатает свои «Записки на манжетах» (1922 г., № 8 и следующие; в более полном виде эти записки см. в аль-манахе «Возрождение», т. 11. М., 1923 и журнале «Россия», 1923, № 5). Более значительные рассказы он публикует в сборниках «Недра» (кн. V и VI). Впоследствии они были объединены

в собрании рассказов Булгакова «Дьяволиада». М., 1925 (второе издание 1926). Мелкие сатирические рассказы вошли в «Библиотеку сатиры и юмора», изд. Зиф – М. Булгаков «Трактат о жилище», М.—Л., 1926, и «Рассказы» в «юмористической иллюстрированной библиотеке журнала «Смехач», № 15, 1926.

В 1922 г. умирает мать Булгакова. Это был громадный толчок во внутренней жизни Михаила Афанасьевича. Он задумывает большой роман. Роман писался в Москве в 1923–1924 гг. очень порывисто и стал печататься под заглавием «Белая гвардия» в журнале «Россия» в 1925 г. № 4 и 5. В романе отразилась жизнь Киева, как ее пережил сам автор в годы гражданской войны на Украине. Романом заинтересовываются руководители Художественного театра; в апреле 1925 года МХАТ обратился к автору с предложением инсценировать роман. Внешний толчок совпал с интимным желанием Михаила Афанасьевича: он мечтал написать драму об Алексее Турбине. Еще 2 июня 1921 года из Тифлиса он писал: «Турбиных переделываю в большую драму». Поэтому к предложению МХАТа Булгаков отнесся со всею серьезностью и дал глубокую творческую переработку сцен романа, значительно видоизменив образ героя. Вскоре после постановки пьесы Булгаков так отозвался на вопрос о предпочтении повествовательной или драматической формы: «Тут нет разницы, обе формы связаны так же, как левая и правая рука пианиста». Пьеса имела три редакции; наиболее отличается третья редакция, вторая редакция близка к первоначальной.

В первый раз пьеса, которой автор дал название «Дни Турбиных», была сыграна на сцене Художественного театра 5 октября 1926 года. В настоящем сборнике «Дни Турбиных» печатаются впервые – в редакции, в которой пьеса исполняется на сцене театра. На первом представлении главные роли распределялись так: Алексей Турбин – Хмелев; Елена – Соколова; Николка – Кудрявцев; Мышлаевский – Добронравов; Лариосик – Янин; Шервинский – Прудкин; фон-Шрот – Станицын.

«Дни Турбиных» имели шумный и устойчивый успех. Залог этого успеха лежал в жизненности и глубокой человечности главных действующих лиц: их судьбу Булгаков внутренне пережил и выстрадал. Превосходное исполнение пьесы группой молодых артистов, впервые получивших ответственные роли в пьесе Булгакова, составило эру в жизни театра и выдвинуло новые кадры первоклассных актеров для всех последующих постановок в театре. Немалое значение для театра имела мастерская техника молодого драматурга: Булгаков сразу почувствовал актера на сцене и неизменно во всех последующих своих пьесах давал чрезвычайно выигрышный материал для исполнителей. Режиссерская и актерская работа увлекла писателя. Он принимал самое деятельное участие в режиссуре, мог показать и сыграть любую роль и пробовал собственные силы на сцене: так, он выступил в роли судьи в инсценировке «Пиквикского клуба» Диккенса.

«Дни Турбиных» прочно вошли в репертуар театра. За четырнадцать лет пьеса прошла 900 раз; с большим успехом она исполнялась также во время гастрольных поездок Художественного театра в Ленинграде, Киеве и Горьком. Ставилась она и за границей: в Париже, Риге, Нью-Хевене (США).

Последующей пьесой Булгакова, в которой автор развил и углубил тему гражданской войны, в гораздо более ответственных и широких рамках, был «Бег». Писался «Бег» в 1926–1928 гг. Если тон первой драмы по преимуществу лирический, и тяжелые эпизоды гражданской войны сменяются картинками домашнего уюта, то в «Беге» преобладает драматизм, а фон пьесы суровый и мрачный. Охват пьесы шире и значительнее. Главное действие разворачивается в Крыму. Никогда не бывши за границей, автор сумел перенестись в обстановку вне пределов СССР, он смело двинул последние действия пьесы в Константинополь и Париж. Драматизм психологии главных действующих лиц автор углубил, показав их в двух фазисах: когда в годину гражданской войны они, не приняв революции, обнаружили себя злейшими врагами народа, и когда затем им пришлось пережить большую внутреннюю ломку и трагедию;

характеры на протяжении пьесы живо эволюционируют под влиянием чувства патриотизма, поэтому опять-таки образы оказываются глубоко человеческими. Пьеса впервые печатается в настоящем сборнике. Когда «Бег» готовился к постановке в Художественном театре, М. Горький, назвав пьесу «превосходной» и усматривая в ней «глубоко скрытое сатирическое содержание», высказывался так: «Твердо убежден, «Бегу» в постановке МХАТа предстоит триумф, анафемский успех» («Красная газета» от 10 ноября 1928 г.). В работе над пьесой в деле установления данных для характеристики изображенного этапа гражданской войны значительную помощь оказала вторая жена Булгакова Любовь Евгеньевна Белозерская.

Наряду с основной линией своей драматургической работы М. А. Булгаков уделяет время культивированию иных жанров: трагического фарса или трагикомедии (такова его «Зойкина квартира», поставленная в 1926 году на сцене театра Вахтангова) и комедии-сатиры («Багровый остров», сыгранный в Камерном театре в 1928 году).

Работает М. А. Булгаков необыкновенно быстро, но вместе с тем исключительно придирчиво относится к себе в смысле отделки произведения. Он порою беспощадно бракует написанное. Булгаков оттачивает фразу, стремясь к максимальной лаконичности и выразительности. К себе он очень строг. По этому поводу можно процитировать следующие его шуточные слова из одного частного письма: «Печка уже давно сделалась моей излюбленной редакцией. Мне нравится она за то, что она, ничего не бракуя, одинаково охотно поглощает и квитанции из прачечной, и начала писем, и даже, о позор, позор, стихи». Другая черта творчества Булгакова – необыкновенная живость сюжета. Он был блестящим рассказчиком-импровизатором; из шутки порою рождалась фабула. Булгаков был также большим мастером-читцом своих произведений, вдумчивым, тонким и выразительным. Писал он только о том, что ему было близко и понятно, что им было доподлинно пережито. Он не мог писать, чему он сам не верил и не полюбил творческой любовью автора. Все его произведения овеяны глубокой искренностью. То, что ему казалось недоуясненным, он откладывал. Когда тема становилась осязательно доступной и пережитой, он брался за перо; принципиальный сторонник свободы художественного творчества, он никогда не навязывал себе тем; ложь и фальсификацию в писательском деле он презирал. Михаил Афанасьевич считал, что искусственно нельзя создавать то или иное произведение, тот или иной жанр. Творец исключительно острой сатиры, он писал: «Я уверен в том, что всякие попытки создать сатиру обречены на полнейшую неудачу. Ее нельзя создать. Она создается сама собой внезапно».

Глубоко почувствовав творчество Мольера как писателя и актера, он с интересом отдается изучению произведений и жизни гениального французского писателя. Одно время М. А. Булгаков говорит только о Мольере; собирает литературу о нем, ходит в библиотеки, переводит его произведения, стремится понять его изнутри. Результатом его работы в этой области является драма «Мольер»; она писалась в 1929 г. и была поставлена на сцене филиала Художественного театра в феврале 1936 года. Хороший перевод ее на немецкий язык Вольфганга Грегера вышел в Берлине в 1932 г. Наряду с этой пьесой Булгаков составляет биографию Мольера (около 10 печ. листов) в форме очень живого и художественного рассказа о судьбе французского драматурга, вложенного в уста особого рассказчика, повествующего о жизни Мольера. Булгаков переводит «L'avare» («Скряга», 1935 г.). Пьесе «Мольер» ставился упрек, что в ней дано место измышленной врагами Мольера версии, будто вторая жена Мольера Арманда – дочь от первого его брака с Мадленой; документальных исторических данных для подтверждения этой версии нет. В своей биографии Мольера Михаил Афанасьевич пишет об Арманде несколько иначе и осторожнее: «Я уверен в том, что она была дочерью Мадлены, что она была рождена тайно, неизвестно где и от неизвестного отца. Нет никаких точных доказательств тому, что слухи о кровосмешении правильны, то есть, что Мольер женился на своей дочери». Как биограф, Булгаков сдерживал себя в неясных местах жизни Мольера, давая себе, как драматургу, больший простор. Ему, как художнику, в пьесе важно было кон-

кретно представить себе ситуацию и психологию действующих лиц. М. А. Булгаков был не чужд гротеска; он превосходно владел техникой легкого комедийного жанра. Такова его пьеса «Иван Васильевич». Несмотря на сразу и легко охвативший автора замысел фантастической пьесы, работал над ней Булгаков очень усидчиво. Сначала, в 1933–1934 гг., он пишет пьесу «Блаженство» в виде «сна инженера Рейна в четырех действиях». Затем, сохранив структуру первого действия, автор в корне перерабатывает последующие сцены.

В 1935 г. из этой переработки возникает пьеса «Иван Васильевич», включаемая в состав настоящего сборника. Интерес к театру М. А. Булгакова получает практическое применение, когда в 1930 г. он был приглашен в качестве режиссера-консультанта в ТРАМ (Театр рабочей молодежи) и в Художественный театр. В 1934–1935 гг. Михаил Афанасьевич пишет пьесу «Александр Пушкин»; в ней драматург изображает преддзельные дни и смерть Пушкина; оригинальность пьесы в том, что сам Пушкин на сцене не появляется. В настоящее время Художественный театр приступает к репетированию этой пьесы. Театр предполагает показать «Пушкина» в конце 1940 года. Работа в театре, порою будничная и черновая, увлекает Булгакова. В 1936 г. он переходит в Большой театр консультантом-либреттистом. По заказу театра он составляет либретто «Минин и Пожарский», «Петр Великий», «Черное море» и «Рашиель» (по рассказу Мопассана «Мадемуазель Фифи»), а также консультирует по переработке текста «Ивана Сусанина».

Из инсценировок Михаила Афанасьевича, кроме упомянутых выше «Мертвых душ» (впервые поставленных на сцене МХАТа 9 декабря 1932 г.), назовем также «Войну и мир» (по роману Л. Н. Толстого). Опираясь на сюжет Сервантеса, Михаил Афанасьевич создает оригинальную пьесу «Дон Кихот». Пьесу эту, публикуемую в настоящем сборнике, подготавливает к постановке театр имени Вахтангова для предстоящего сезона.

Наряду с инсценировками имеются киносценарии, составленные М. А. Булгаковым («Мертвые души», «Ревизор»). Отдавая театру, М. А. Булгаков не оставляет повествовательного жанра. В продолжение почти десяти лет он работает над новым романом, который ему удалось закончить до начала роковой болезни: «Мастер и Маргарита». В романе этом Булгаков дает совсем новый образец своего творчества, развернувшегося в этой его предсмертной вещи с особой оригинальностью. Если во многих произведениях Булгакова отличительной чертой является острая наблюдательность автора над обыденщиной, над наиболее характерными элементами повседневной жизни в сочетании с самыми неожиданными фантастическими образами и перипетиями сюжета, то в его романе реальное и фантастическое переплетается в самых острых формах. В отношении структуры роман отличается неожиданным разнообразием: в нем прихотливо сочетается план современный, план исторический (эпоха начала нашей эры) и план фантастический. План исторический разработан с привлечением философского элемента. Общий состав романа напоминает самые оригинальные и причудливые романы Гофмана. В своем романе М. А. Булгаков одновременно ультраромантик и ультрареалист, подобно Гофману. Есть и еще одна черта, роднящая Булгакова с Гофманом, – борьба с филистерством, под которым немецкий романтик разумел и самодовольную пошлость, и умственный застой, и эгоизм, и тщеславие, и формализм, превращающий человека в машину, и педантизм. Романтическую иронию оба автора умеют освободить от мистической созерцательности и обращать в острую сатиру. Образ кота, представленный в романе Булгакова с такой предельной живостью, сродни по своей законченности и выдержанности бесцеремонному и торжествующему обжору коту Мурру Гофмана.

Для романа М. А. Булгаков глубоко изучал историю Рима и, главное, эпоху раннего христианства.

К историческим занятиям Михаил Афанасьевич имел вообще особое тяготение. С историческими фактами, как таковыми, он обращался чрезвычайно вдумчиво и проникновенно – умел всегда уловить колорит эпохи. Особенно дорожил он историей нашей родины. В архиве

покойного сохранился замечательный документ, свидетельствующий о его занятиях историей Союза ССР. В связи с постановлениями о конкурсе по составлению краткого учебника истории Союза М. А. Булгаков в марте 1936 г. усердно принимается за работу. К сожалению, она остановилась на предварительной стадии. В тетрадях Булгакова мы находим интересные наброски (главным образом по истории XVIII века) исторического повествования с попыткой выработки четкого и выразительного исторического стиля, отсутствие которого так отрицательно сказалось на работах школы Покровского в области русской истории. Вообще М. А. Булгаков был образцовым стилистом, превосходно владевшим всем богатством и разнообразием русского языка.

Как человек Михаил Афанасьевич отличался исключительным обаянием, так ярко отразившимся в его улыбке, пытливых лукавых глазах и заразительном смехе; другая черта его – глубокое благородство: он был настоящим гуманистом. Деликатный даже в мелочах, он тонко чувствовал чужую жизнь. Если он порою мог с ней не считаться, то это объяснялось его постоянно вспыхивавшими новыми интересами, его непрестанным исканием. Интересы его были чрезвычайно гибки, широки и многогранны, он с живым вниманием вникал во все, что встречалось ему на жизненном пути. Иные повороты его внутренней жизни могли казаться неожиданными. Пытливый и вечно ищущий, человек беспокойного ума и мятежной души, он постоянно работал над собой; в своих частых колебаниях и сомнениях он мог всегда найти исход и не растеряться. Друг М. А. Булгакова в самом начале его литературной деятельности правильно предвидел, заметив в одном письме: «Он поймает свою судьбу, она от него не уйдет». Ум его был изобретательный и находчивый. Его беспокойство было беспокойством неизменно развивавшегося и ищущего новых путей таланта. Его энергия не оскудевала при всех заминках. В личной жизни человек крайностей, человек глубоких противоречий и переменчивых настроений, он в часы упадка находил выход в эмоциональном подъеме. Порою мнительный в мелких обстоятельствах жизни, раздираемый противоречиями, он в серьезном, в моменты кризиса не терял самообладания и брызжащих из него жизненных сил. Ирония у него неизменно сливалась с большим чувством, остроты его были метки, порой язвительны и колки, но никогда не шокировали. Он презирал не людей, он ненавидел только человеческое высокомерие, тупость, однообразие, повседневность, карьеризм, неискренность и ложь, в чем бы последние ни выражались: в поступках, искательстве, словах, даже жестах. Сам он был смел и неуклонно прямолинеен в своих взглядах. Кривда для него никогда не могла стать правдой. Мужественно и самоотверженно шел он по избранному пути. Писательская работа М. А. Булгакова никогда не останавливалась. Иногда лишь давали себя чувствовать бессонницы, головные боли и, казалось, беспричинное беспокойство.

Последний год жизни М. А. Булгаков работал особенно интенсивно и за лето сильно переутомился. Постепенно нараставшая болезнь грозно его подстерегала. В сентябре 1939 года обнаружился первый зловеющий симптом: внезапная потеря зрения. В первые же дни заболевания глаз была выяснена глубокая органическая причина его: у Михаила Афанасьевича врачи засвидетельствовали неизлечимую болезнь: склероз почек. Будучи сам врачом, Михаил Афанасьевич хорошо сознавал собственное положение, тем более что картина болезни писателя была точным повторением болезни его отца, умершего от склероза почек в том же возрасте, как и Михаил Афанасьевич. Возвратившись из Барвихи, где он находился в больнице, в декабре 1939 г. Михаил Афанасьевич писал другу своей юности в Киев: «Ну вот, я и вернулся из санатория. Что же со мною? Если откровенно и по секрету тебе сказать, сосет меня мысль, что вернулся я, чтобы умирать. Это меня не устраивает по одной причине: мучительно, канительно и пошло».

Тяжкие месяцы все прогрессирующей болезни Михаил Афанасьевич проводил как подлинный герой. Картину своей болезни он наблюдал острым вниманием писателя и мог бы ее использовать в качестве творческого материала подобно Мольеру. Жизнелюбивый и бур-

ваемый припадками глубокой меланхолии при мысли о предстоящей кончине, он, уже лишенный зрения, бесстрашно просил ему читать о последних жутких днях и часах Гоголя. Мысль его не падала, а обострялась. Она могла затуманиваться (болезнь, от которой умер Михаил Афанасьевич, часто у других кончается прямым умоисступлением), но тем ярче она вспыхивала в моменты просветления. В дни сильнейшего недомогания он продолжал править свой роман, который ему заботливо перепечатывала и читала вслух его жена, Елена Сергеевна, окружавшая его неизменным вниманием. Михаил Афанасьевич говорил, лежа на смертном одре, что нужно продолжать работу, пока не лишишься сознания. Последний месяц организм не принимал пищи. В результате уремии Михаил Афанасьевич скончался 10 марта 1940 года, оставив после себя богатое литературное наследие и унесши с собой в могилу не менее богатое достояние неразвернувшихся замыслов: уже в разгар болезни он мысленно составил план новой пьесы, предназначавшейся для Художественного театра.

«Покойся, кто свой кончил бег», – невольно вспоминаются слова Жуковского, те слова поэта, которыми Михаил Афанасьевич озаглавил одно из значительнейших своих драматических произведений. Беспокойный, трудный путь писателя, пройденный с таким напряжением и неоскудевавшей энергией, путь жизни и творчества, на который было затрачено столько сил, работы и душевных мук и который оборвался так рано и несправедливо, дает право писателю на безмятежную оценку его писательского труда и на глубокую и вечную признательность за незабываемый вклад, внесенный им в сокровищницу русской литературы.

De mortuis nil nisi vere!⁵

...Возможно, религии удалось бы быть диковинным средством для того, чтобы отдельные люди смогли однажды насладиться всем самодовольством некоего бога и всей его силой самоискупления.

Да! – можно даже спросить, – научился бы вообще человек без этой религиозной школы и предыстории ощущать голод и жажду по самому себе и черпать из себя насыщение и полноту?

Должен ли был Прометей сначала грезить, что он похитил свет и расплачивается за это, чтобы открыть наконец, что он сотворил свет, как раз стремясь к свету, и что не только человек, но и сам бог был творением его рук и глиной в его руках?

Ф. Ницше. «Веселая наука»

Павел Сергеевич Попов:

к воспоминаниям о детстве Булгакова

(реконструкция записей философа и литературоведа):

– Как рассказывал мне Михаил Афанасьевич, жизнь в Киеве Булгаковы вели патриархальную. Удобная квартира, добротная мебель, свет желтых абажуров; русская кухня. Каждое лето Булгаковы на лето уезжали в свое поместье – в «Бучу». Мать Варвара Михайловна обладала педагогическим даром – налаживать жизнь в любых предлагаемых обстоятельствах. Когда муж умер, оставив ее одну с семерыми детьми, Варвара Михайловна стала главой дома. Все дети боготворили мать и немного побаивались. Когда надо было сделать замечание, мать вызывала виновного в отцовский кабинет и строгим голосом делала выговор. Среди детей этот вызов звался на «цугундер». Первая жена Булгакова Татьяна Лаппа-Кисельгоф рассказывала: «Булгаковы жили дружно... Соберутся, устроят оркестр или разыграют что-нибудь... Где был Миша, там неизменно царили шутки, смех, веселье. Игра в «шарады»

⁵ О мертвых правду или ничего (лат.).

превращалась в маленькие театральные представления. Кроме того, он экспромтом писал небольшие рассказы, которые вызывали безудержное веселье и смех.

– И все это рухнуло, Павел Сергеевич?

– Да, – кивнул тот. – Как сам говорил Михаил Афanasьевич: «Легендарные времена оборвались, и внезапно и грозно наступила история».

– В самом деле? – удивился я, сияясь увязать этот образ кроткого молодого человека с тем Булгаковым, которого я знал.

– О да, – кивнул Попов. – Понимаете, его мать знала, когда нужно оставить Булгакова в покое. Она первой замечала это отсутствующее выражение в его взгляде и говорила мне: «Ребята, не трогайте Михаила; видишь, он опять витает в облаках». А потом ласково брала его за подбородок: «Ну, мой юный Прометей, спустись-ка с небес на землю».

Слова «юный Прометей» обожгли меня. Конечно же! Как я мог просмотреть это сходство? Та титаническая сила, которая терзала тело Булгакова изнутри – об этом говорил и патологоанатом, производивший вскрытие, – вылилась в его литературе, была поистине Прометеевой силой!

Я мучительно вспоминал все, что знал о Прометее. Кажется, это был титан, который помог Зевсу победить других титанов. А имя его в переводе означает «провидец», то есть он заранее знал, к чему приведет любой его шаг; не так ли было и с Булгаковым?.. Вслух же я произнес:

– Прометей – это не он ли вылепил людей из глины?

– Именно, – широко улыбнулся Попов. Глаза его сияли. – Прекрасный миф! Мы читали его и перечитывали зимними вечерами в гостиной. Помню, Булгакову он особенно нравился. В нашей библиотеке была огромная книга мифов, а в ней – картинка: Прометей, прикованный к скале. Булгаков часами любовался ею, не говоря ни слова. Мама с удовольствием рассказывала нам этот миф, а Булгаков обожал его слушать.

– Ребята, – попросил я, – пожалуйста, расскажите мне его, – если, конечно, это не утомит вас.

– Ну что вы! С огромной радостью. Конечно, я никогда не расскажу так прекрасно, как это получалось у его мамы...

Попов поудобнее устроился на перине, закрыл глаза и стал рассказывать:

– Сейчас... Когда Зевс, царь Богов, боролся с титанами за власть над небом и землей, он пощадил Прометея – за его дар предвидения, который помог Зевсу одержать победу. Ибо Прометей предсказал исход восстания Зевса против старого бога Хроноса. Прометей был мудрейшим из титанов. Он даже исполнял роль повитухи при рождении Афины из головы Зевса.

Я откинулся в кресле, любуясь Поповым. Лицо его, еще минуту назад бледное как смерть, расцвело румянцем.

– Афина обучила Прометея различным искусствам: астрономии, математике, зодчеству, медицине, мореплаванию, – продолжал Павел Сергеевич. – Еще она научила его, как обрабатывать металлы и делать оружие. Так или иначе, одержав победу, Зевс приказал Прометею спуститься на землю и у берегов великой реки вылепить из глины новое существо – человека. И Прометей с великой радостью изваял того, кто – единственный из живых существ – обратил лицо свое к небесам, с жаждой взирая на солнце, луну и звезды...

Приоткрылась дверь, и в комнату вошел сын Попова.

– Папа, – спросил он, склонившись над кроватью, – принести тебе чаю?

– Нет, сынок, спасибо. – Попов приобнял сына за плечи.

– Ты рассказываешь сказку, папа?

– Да, – улыбнулся Попов и взъерошил мальчику волосы.

– Можно и мне послушать?

– Ну конечно. – Попов слегка подвинулся на постели.

Сын присел рядом с ним и весь обратился в слух.

По правде говоря, я не знал доподлинно этот миф, а только то, что Прометей дал людям огонь и поэтому подвергался мучительной пытке: будучи прикованным к скале, страдал от прилетавшего орла, который клевал его печень.

– ...Всемогущий Зевс, – начинал рассказывать Павел Сергеевич, – смотрел на мужчин и женщин, вылепленных Прометеем, так же, как на домашний скот, птиц и прочие существа, созданные – как он считал – только ему на потеху. Но мало-помалу великого Бога стало раздражать, что люди не сводят глаз с небес, и он решил в наказание уничтожить человеческий род. Ведь, в отличие от быков, буйволов и медведей, которые бродили по земле, опустив очи долу в поисках пищи, человек взирал ввысь. Его обуревала жажда познания, он стремился дотянуться до неба и уподобиться богам...

Сын улыбался, обхватив колени ладонями и тихонько раскачиваясь; он явно слышал этот миф не впервые.

– Узнав, что Зевс намерен истребить людей, Прометей задумался: как предотвратить злодеяние? Ибо титан полюбил свое творение – человека; полюбил вопреки доводам рассудка, вопреки понятию о добре и зле, вопреки даже заботам о собственной судьбе. И тогда он замыслил план, который, – а Прометей предвидел это, – со временем поможет людям не только спастись и выжить, но стать истинно свободными, независимыми от самого Зевса. Прометей решил отправиться на Олимп и там, из кузницы... – Попов помедлил, вспоминая имя.

– Из кузницы Гефеста, – шепотом подсказал сын.

– Именно, сынок. Из кузницы Гефеста Прометей решил выкрасть бессмертный огонь. Так он и поступил однажды темной ночью, когда Зевс забавлялся с очередной нимфой. Спрятав священный огонь в стебле гигантского фенхеля, Прометей доставил сокровище на землю и вручил своим любимцам – людям. Вот как случилось, – Попов повернулся и посмотрел мне прямо в глаза, – что Прометей положил начало культуре человечества. Он научил людей чтению, и письму, и множеству прочих искусств, и вложил им в руки священный огонь – для ведения войны и для колдовства. Но не забудем, что Прометей был провидцем и прекрасно знал, какая расплата ждет его за эту дерзость...

Голос Попова дрогнул. Я взял со столика стакан воды и поднес к его губам.

– Спасибо, доктор Захаров, – сказал он, отхлебнув, и продолжил: – Словно для того, чтобы оправдать предвидение Прометея, Зевс навечно приковал его, обнаженного, к скале в горах Кавказа, пробив его грудь копьем. Целых тридцать... тридцать...

– Тридцать тысяч лет, – подсказал сын.

– Да. Целых тридцать тысяч лет Прометей терпел адские муки: каждый день прилетал огромный орел и клевал печень титана, и каждую ночь печень вырастала вновь. – При этих словах сын сморщился от боли. – Страданиям Прометея не было конца. Лютый холод и палящий зной терзали его плоть; но он был обречен на бессмертие! – Попов снова повернулся ко мне: – Тот, кто дерзнул бросить вызов богам, заведомо обрекает себя на бесконечные муки. Однако Прометей безропотно принимал кару. Он даже послал своему истязателю Зевсу предупреждение-пророчество, чтобы тот не женился на нимфе Тетис, ибо потомок Зевса от этого брака превзойдет могуществом своего отца...

Я жадно слушал Попова, осененный благостным присутствием этого человека и его сына. Но одна мысль сверлила мне мозг: этот древний миф о Прометее – не есть ли этот греческий миф история самого Булгакова? Булгаков, отвергший всех и всяческих богов, – не он ли своей литературой передал земным людям священный огонь? Не его ли за это приковали к скале невыносимого страдания, не в его ли теле бушевали жестокие битвы завистливых богов – но кто, или что, были эти завистливые боги? Булгаков непостижимым образом повторил

*в своей литературе и в пьесах подвиг древнего Прометея. Мог ли он создать «Мастера и Маргариту», не пережив свое произведение? Булгаков возжег божественный огонь Духа в сердце каждого, кто слышал его произведения; и такой человек, если у него достанет смелости отве-
дать вкус свободы, может выстроить из этой литературы мост между землей и небом и
идти по нему своим – только своим! – путем... Но вслух я произнес:*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.